

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР «XX ВЕК: СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ»**

**БРИТАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
В XX ВЕКЕ**

Москва—2010

УДК 94 (110)
ББК 63.3 (4 Вел)
Б 87

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.М. Пегушев, д.и.н. Е.Ю. Сергеев
к.и.н. Е.Ю. Полякова, д.и.н. И.В. Следзевский,
д.и.н. А.М. Хазанов,
И.С. Савина (ответственный секретарь)

Рецензенты:

д.и.н. В.Н. Москаленко,
д.и.н. М.П. Айзенштат

Британская империя в XX веке / [ред. А.М. Пегушев, Е.Ю. Сергеев]; М: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. - 296 с.
ISBN 978-5-94067-299-9

Сборник статей составлен по материалам круглого стола, состоявшегося в Институте всеобщей истории РАН в январе 2003 г. Работа посвящена кульминационному периоду в истории британского колониализма - XX веку, который был временем последнего взлета Британской империи, ее распада и крушения. В XX в. Англия последовательно трансформировала Британскую империю в Британское содружество, Содружество наций и новое Содружество, сохранила тесные многоплановые отношения со своими бывшими владениями. В работе можно условно выделить две тематические группы статей. В первой рассматриваются особенности британской колониальной политики, предпосылки причины и этапы образования Британской империи. В статьях второй группы рассматриваются формы и методы колониального управления, расовые, национальные и культурные отношения в отдельных странах и регионах империи.

Книга рассчитана на профессиональных историков, преподава-телей вузов, студентов гуманитарных факультетов, а также всех тех, кто интересуется историей колониализма.

ISBN ISBN 978-5-94067-299-9

© Институт всеобщей истории РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ	
<i>Алаев Л. Б.</i> Колониализм как всемирно-историческое явление и как объект исследования	9
<i>Следзевский И. В.</i> Цивилизационное основание и культурная логика трансформации британского мира в империю	24
<i>Остапенко Г.С.</i> Особенности британского колониализма	46
<i>Зимулина Л.А.</i> Эволюция национальной государственности Британских доминионов	72
<i>Сергеев Е.Ю.</i> Особенности британской колониальной политики в Восточной Азии (1902 - 1939 гг.)	81
<i>Хазанов А.М.</i> Британский и португальский колониализм (опыт сравнительного анализа)	96
<i>Глуценко Е.А.</i> Некоторые причины распада Британской империи	106
<i>Щироков Г.К.</i> Экономические предпосылки заката Британской империи	112
ФОРМЫ И МЕТОДЫ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	
<i>Коленко В. А.</i> Канадская конфедерация: межнациональный фактор	126

<i>Полякова Е.Ю.</i> На пути к доминиону (Британская империя и Ирландия)	145
<i>Шаумян Т.Л.</i> Британская колониальная политика в Центральной Азии в начале XX века: «тибетский угол»	167
<i>Тюрин В.А.</i> Британская Малайя: формирование колонии и ее системы управления	184
<i>Бурьян М.С.</i> Египет в политике Великобритании: проблема статуса (последняя четверть XIX - первая треть XX вв.)	204
<i>Рытов Л.Н.</i> Имперское население на Юге Африки	223
<i>Пегушев А.М.</i> Национально-расовые отношения в Британской Восточной Африке (конец XIX - начало 60-х гг. XX века)	237
<i>Катагощина И.Т.</i> Взаимодействие и конфликт западной и местных культур в Британской Африке	252
<i>Белокреницкий В.Я.</i> Уход Англии из Индии и образование двух доминионов	270
Список авторов	295

**Египет в политике Великобритании:
проблема статуса
(последняя четверть XIX - первая треть XX вв.)**

История колониализма относится к числу наиболее актуальных и разрабатываемых тем в мировой историографии. Несмотря на то, что с распадом колониальной системы вопрос этот, казалось бы, потерял «прикладное» значение, интерес к нему не ослабевает. Ежегодно выходит значительное число статей и монографий, в той или иной степени затрагивающих эту проблему¹. Этому способствует открытие ранее засекреченных архивных материалов, публикация новых документов личного характера, проливающих свет на события, приведшие к созданию современной политической карты мира.

Между тем, в СССР история колониализма изучалась односторонне. Основные усилия советских ученых были направлены на создание истории национально-освободительного движения в странах Востока². Традиции, созданные такими учеными, как Е.В. Тарле, А.С. Ерусалимский, Ф.А. Ротштейн, Н.А. Ерофеев, Г.А. Нерсесов, В.Г. Трухановский, Г.Л. Бондаревский, А.Б. Давидсон, А.М. Хазанов³, поддерживаются лишь небольшим числом энтузиастов.

Призыв к активному изучению всех аспектов истории колониализма, прозвучавший из уст участников круглого стола, организованного в 1988 году журналом «Новая и новейшая история» (по инициативе А.М. Хазанова)⁴, практически, остался без ответа⁵. Мало что изменилось и после распада СССР, приведшего к образованию не только независимых государств, но и национальных историографических школ.

Только в последние годы, в связи с привлечением внимания международной общественности к проблеме глобализма, возникло понимание необходимости выработки новых, более адекватных, подходов к изучению истории международных отношений (свидетельством чего стал круглый стол, посвященный истории колониализма и организованный Институтом всеобщей истории РАН 15 января 2003 г.).

Такие понятия, как «суверенитет», «национально-хозяйственный комплекс» и даже «государство», в настоящее время приобретают новый смысл. Это неизбежно, на наш взгляд, ведет к своего рода «научной реанимации» таких понятий, как «колониализм» и

«империализм», «слухи о смерти» которых были сильно преувеличены.

Действительно, ведущим государствам Запада удалось очень быстро не только восстановить, но и расширить свои позиции, утраченные в результате распада колониальной системы. Этому способствовало внедрение т.н. «неолиберальной» модели функционирования мирового хозяйства, которая не позволяет сохранить тенденции к независимому развитию стран Востока, наметившиеся было во второй половине XX в.

В этих условиях возникает необходимость снова вернуться к изучению феномена колониализма. И, прежде всего - тех проблем, которые касаются формирования политики колониальных держав, раскрывают причины, ход и последствия борьбы различных группировок в правящих кругах метрополии по вопросу о темпах, формах и методах осуществления этой политики.

Все вышесказанное относится и к тому разделу историографии колониализма, который включает в себя труды по истории Британской империи. Нужно отметить, что британский колониализм гораздо чаще становился предметом исследования историков, чем, скажем, германский или французский. Тем не менее, даже проблема взаимоотношений Великобритании и Египта (являвшегося важнейшим звеном в имперской системе), рассматривалась чаще всего в одном, привычном, ракурсе - с точки зрения выявления экономических и политических последствий оккупации долины Нила. При этом документы из архивов Форин офис, фондов Кабинета министров Великобритании и Архива внешней политики РФ практически не привлекались. Необходимо хотя бы в некоторой степени ликвидировать существующий пробел.

Все возрастающее значение Египта в системе международных отношений нового времени стало определяться в последней трети XVIII в., вскоре, после того, как по условиям Парижского договора (1763) Великобритания утвердилась в Индии. Семилетняя война лишила Францию - самую опасную колониальную соперницу англичан - большей части ее индийских владений. В стремлении вернуть утерянное французы обратили свое внимание на район Красного моря. Египет казался созданным специально для того, чтобы способствовать осуществлению самых смелых планов в отношении Индии и должен был стать плацдармом для реванша. 1 июля 1798 года французская армия под командованием Наполеона Бонапарта высадилась неподалеку от Александрии.

Мечтам Наполеона о реставрации французской империи в Индии не было суждено сбыться. Они были разрушены сначала адмиралом Нельсоном на море, а затем совместными усилиями генералов Уэллсли и Аберкромби на суше. Однако то, чего больше всего опасались англичане, случилось. Битва на Ниле привлекла к Египту - до того малоизвестной провинции Османской империи - внимание всей Европы, открыла эту страну для европейского соперничества.

В этих условиях перед правящими кругами Великобритании возникла проблема укрепления позиций в этом стратегически важном регионе. Военное министерство настаивало на аннексии или же частичной оккупации Египта, считая, что это поможет избежать новых неожиданностей на подступах к Индии⁶. Руководство Форин офис, выдвигавшее принцип целостности Османской империи в качестве основополагающего принципа британской политики на Востоке, придерживалось иной точки зрения. Изменение статуса Египта не входило в планы дипломатов. Безопасность Индии, по их мнению, в достаточной степени была обеспечена господством Великобритании на морях и преобладающим влиянием в Константинополе⁷. Традиционный подход возобладал, и 11 марта 1803 г. английские войска, обеспечивавшие эвакуацию наполеоновской армии, были выведены из Египта.

С тех пор, в течение более чем 80 лет, основная цель египетской политики Уайтхолла - сохранение турецкого сюзеренитета над долиной Нила и противодействие любым попыткам усиления колониальных соперников Великобритании в этом регионе - оставалась неизменной. Это, однако, не означало, что англичане отказались от вмешательства в дела Египта и Османской империи.

Так, в 1807 г. к египетским берегам была направлена британская эскадра, предпринявшая попытку оккупации Александрии и некоторых других важных стратегических пунктов. В 1832-1841 гг. глава Форин офис Г. Пальмерстон (1784-1865) вел настоящую дипломатическую войну на три фронта: против правителя Египта Мухаммеда Али (1769-1849), пытавшегося добиться независимости от Порты; против правительства России, добивавшегося усиления своего влияния в Константинополе; и против французского кабинета, стремившегося достичь аналогичной цели в Каире. Дипломатическое давление было подкреплено присутствием британского флота и его участием в боевых действиях на стороне турецкого султана⁸. В 50-60-х гг. англичане яростно боролись против претворения в жизнь проекта строительства Суэцкого канала, предложенного французами.

Тем не менее, желание Лондона влиять и властвовать еще не означало, что англичане готовы взять на себя управление Египтом. Их целью, как и раньше, было не допускать выхода этой страны из «заколдованного круга "неприкосновенной"» Османской империи⁹. Серьезные сомнения в том, что такая цель по-прежнему достижима, возникли только в середине 70-х гг.

Смене настроений в Лондоне способствовали сразу несколько факторов: глубокий кризис Османской империи, чрезвычайное усиление французского влияния в Египте, значительный рост самосознания египетского народа и обострение международной обстановки, связанное с усилением борьбы за передел мира. Особое значение имело завершение - несмотря на все усилия Пальмерстона - строительства Суэцкого канала. По территории Египта стал проходить кратчайший морской путь из европейских портов в бассейны Индийского и Тихого океанов¹⁰. На Даунинг-стрит и в британской прессе стали раздаваться призывы, требующие включить эту страну в состав Британской империи. Они особенно усилились после того, как в 1875 г. британское правительство стало обладателем пакета акций, составлявшего около 45% всего акционерного капитала Всеобщей компании Суэцкого канала. И хотя в то время идея не получила широкой поддержки, стало ясно, что политика сохранения статус-кво в долине Нила себя изжила.

Если экспедиция Наполеона Бонапарта открыла Египет для Европы, то строительство Суэцкого канала, санкционированное Наполеоном III, привело к тому, что «египетский вопрос» стал одним из основных вопросов европейской политики. В условиях, когда «заколдованный круг» Османской империи уже не обеспечивал явного преобладания Великобритании в долине Нила, изменение статуса Египта было лишь вопросом времени. Когда и в какой форме это произойдет — было неясно. Однако то, что перемены не заставят себя долго ждать, не вызывало сомнений.

В течение шести лет, последовавших за вступлением Великобритании в число акционеров Всеобщей компании Суэцкого канала, на Даунинг-стрит шли поиски выхода из создавшейся ситуации. Предложения Бисмарка (1815-1889), пытавшегося толкнуть англичан на «захват» Египта¹¹, были отклонены. В 1876 г. над этой страной был установлен англо-французский финансовый контроль. В августе 1878 г. последовало создание «европейского» кабинета. Министром финансов и министром общественных работ стали соответственно англичанин Риверс Уилсон (1831—1916) и француз де Блиндьер. В 1879 г. «европейское» министерство пало, и вновь был восстановлен режим «двойственного протектората»¹².

Казалось, такой режим отношений с Египтом вполне устраивал англичан. Но, как вскоре выяснилось, это была иллюзия.

Возможно, принцип поддержания «двойственного» контроля над страной, остающейся в составе Османской империи, и мог бы стать для англичан основополагающим в обстановке, когда прежняя цель - сохранение статус-кво - была уже недостижимой, а аннексия нежелательной. Однако подъем национально-освободительного движения в Египте, кульминацией которого стало восстание под руководством Ораби-паши (1839-1911), стал причиной вмешательства европейских держав. В этих условиях британское правительство приняло, наконец, твердое решение и приступило к завоеванию долины Нила (11.VII. 1882).

Поражение Ораби-паши у Тель аль-Кебира (13.IX.1882) означало наступление новой эры в истории англо-египетских отношений. Политика «статус-кво» и только что пришедшая ей на смену политика «двойственного контроля» были отвергнуты. На смену им пришел внешнеполитический курс, направленный на утверждение единоличного господства Великобритании. Англичане стали хозяевами Египта. Правда после того, как оккупация Египта стала свершившимся фактом, твердость, казалось, вновь изменила англичанам. Было объявлено, что целью Лондона является «восстановление порядка» и что Уайтхолл, как и прежде, не собирается «ни аннексировать Египет, ни управлять им»¹³. Однако, как показало будущее, это означало лишь, что аннексия будет «завуалированной».

Египет не был включен в состав Британской империи. Юридический статус этой страны продолжал оставаться неопределенным. До 1882 г. полунезависимая страна формально находилась под сюзеренитетом турецкого султана, а фактически, по выражению Ф.А. Ротштейна, «совершенно серьезно считалась компанией трех партнеров» - Англии, Франции и Турции¹⁴. После оккупации внешне мало что изменилось. Египет, как и раньше, оставался самоуправляющейся частью Османской империи, имел наследственного правителя-хедива и уплачивал ежегодную дань Порте. Франция только в 1904 г. официально отказалась от притязаний на преобладание в этой стране. Что касается Англии, то эта держава постепенно приобрела исключительную власть над Египтом. Однако британский «сюзеренитет» не был закреплен каким-либо международно-правовым актом.

Неопределенность статуса англо-египетских отношений вполне устраивала руководителей имперской политики Великобритании. Она позволила отладить совершенно уникальную систему контроля над внутренней и внешней политикой Египта, получившую

неофициальное наименование - «завуалированный протекторат». По определению британского журналиста и дипломата В. Чирола (1852-1929), эта система представляла собой «пеструю смесь из удобных фикций, предназначенных скрывать неудобные факты»¹⁵.

Основа, на которой строились англо-египетские отношения в период «завуалированного» протектората, была двусмысленной. Ее контуры были определены министром иностранных дел Великобритании лордом Гренвиллом (1815-1891) в послании главам государств от 3 января 1883 г. и его депеше на имя главы каирской резиденции Форин офис от 4 января 1884 г. Первый из документов предназначался для широкого употребления и должен был создать впечатление, что англичане оставляли за собой лишь право давать «советы» египетским должностным лицам, в случае если возникает необходимость. Второй - конфиденциальный - полностью рассеивал иллюзии. «Необходимо, - инструктировал глава Форин офис верховного резидента Египта, - чтобы египетские министры и губернаторы провинций уяснили себе: ответственность, лежащая в настоящее время на Великобритании, вынуждает Правительство Ее Величества настаивать на одобрении политики, которую оно рекомендует. Те министры и губернаторы, которые не будут следовать указанному курсу, неизбежно потеряют право занимать свои посты»¹⁶. Как видно, любая «рекомендация» Уайтхолла представляла собой приказ, обязательный к исполнению.

Жизнеспособность системы «завуалированного» протектората обеспечивалась тремя факторами: экономической мощью Великобритании, присутствием в Египте британской оккупационной армии и наличием в этой стране контингента официальных представителей Уайтхолла «на местах».

Положение британских вооруженных подразделений в этой стране не укладывалось в рамки традиционных международных отношений. «Они, - писал в своей книге А. Милнер (1854—1925), имевший богатый опыт работы в Египте, - не являются солдатами хедива или наемниками, приглашенными им. Они также не являются солдатами державы-протектора, поскольку теоретически такой державы не существует»¹⁷. Тем не менее, оккупационная армия оставалась в Египте до 1956 г. и была опорой британской администрации, как в условиях «завуалированного» протектората, так и после провозглашения «независимости» этой страны (1922 г.).

Особую роль в деле сохранения господствующего положения Великобритании в Египте играли так называемые официальные представители Форин офис «на местах», небольшая часть из кото-

рых составляла штат каирской резиденции во главе с «полномочным министром и генеральным консулом». Гораздо более многочисленным был корпус британских советников, находившихся на службе у египетского правительства.

Положение «советников» было довольно двусмысленным. Номинально подчиняясь официальному Каиру, они фактически работали под руководством главы британской резиденции, статус которого был также достаточно своеобразным. Формально он являлся лишь одним из более чем десятка генеральных консулов, представлявших европейские государства в Египте, и ничем не отличался от них. На деле, будучи выразителем воли оккупирующей державы, «полномочный представитель» Великобритании был, по оценке того же А. Милнера, «реальным, хотя и не объявленным повелителем» Египта¹⁸.

Власть главы каирской резиденции была огромна. Сэр Ивлин Бэринг (1841-1917), занявший этот пост летом 1883 г., первым смог оценить это. Он в полной мере использовал выгоды своего положения для укрепления позиций Великобритании в долине Нила. Позднее за свои труды он был возведен в звание пэра, получив имя лорда Кромера.

После отставки Кромера (1907), система «завуалированного» протектората продолжала действовать практически без изменений. Новым верховным резидентом стал сэр Элдон Горст (1861-1911), разделявший взгляды своего предшественника и служивший при нем в качестве финансового советника¹⁹. И сам Горст, и сменивший его через четыре года генерал Горацио Китченер (1850-1916), и пришедшие ему на смену во время войны Генри Макмагон (1862-1949) и Реджинальд Уингейт (1861-1953), - продолжали более или менее последовательно проводить политику Кромера и по-прежнему оставались настоящими хозяевами Египта.

Итак, привязав Египет к экономической системе Британской империи, опираясь на оккупационную армию и захватив ключевые посты в административном аппарате этой страны, англичане могли править, не прибегая к аннексии.

Прямым следствием стремления Уайтхолла к сохранению «аномального» положения Египта в рамках международной правовой системы являлось то, что ответственность за положение дел в этой стране была возложена на Форин офис, внутри которого был создан так называемый Египетский департамент. Тем самым противоречия, обнаружившиеся в области англо-египетских отношений в скором будущем, оказались как бы заранее спланированными. Штат Египетского департамента был весьма малочисленным. Там работали в основном профессиональные

дипломаты и разведчики. Но после оккупации и особенно после англо-французского соглашения 1904 г. египетская проблема фактически утратила черты «международной». Следовательно, она должна была решаться не дипломатами, а опытными администраторами. В таком случае подчинение министерству колоний было бы более логичным.

Правда, время от времени британское правительство подключало к решению проблем, связанных с управлением Египтом, ведомства, не имевшие к этому прямого отношения. Но система англо-египетских отношений становилась лишь еще более запутанной. Надлежащей координации действий между этими ведомствами не существовало. И Военное министерство, не желавшее ослабить контроль над стратегически важным регионом, и англо-индийские власти, стремившиеся играть все возрастающую роль в колониальной эксплуатации Египта, и Форин офис, вынужденный учитывать не только ситуацию в долине Нила, но и международную обстановку в целом, и, наконец, каирская резиденция, сотрудникам которой приходилось проводить в жизнь не всегда дальновидные решения британского кабинета и на месте находить выход из кризисных ситуаций - по сути дела проводили свою собственную политику²⁰.

Разногласия между ведомствами, так или иначе участвовавшими в процессе выработки «египетской» политики Великобритании, делали эту политику непредсказуемой. Единая концепция англо-египетских отношений выработана не была

В этих условиях большую роль в разработке и претворении в жизнь египетской политики Уайтхолла играли представители Форин офис «на местах», о которых уже упоминалось выше. Конечно, только от министров зависело в каждый определенный момент принять или отвергнуть рекомендации советников различного ранга и влияния в Лондоне и Каире. И все же, эти последние оказывали значительное, а порой и решающее воздействие при формировании точки зрения британского кабинета. Интересна оценка А. Милнера. По мнению этого государственного деятеля, англичане добились определенных успехов в Египте только потому, что «люди на местах» проявляли «инстинктивную практичность». «В обстановке полной неразберихи, - писал он, — британские советники и резиденты пытались выработать для себя и своего государства что-то вроде определенной, логичной и последовательной линии поведения»²¹.

Особое мастерство и изворотливость представители Форин офис должны были проявить в связи с наличием в системе англо-египетских отношений «суданского» компонента. Статус Судана

был даже еще более «аномальным», чем статус Египта. В 20-х гг. XIX в. эта территория была завоевана египтянами и стала одной из провинций государства Мухаммеда Али, хотя формально была присоединена к Османской империи. Восстание махдистов (1881-1898) привело к созданию на территории Судана независимого государства, которое через 13 лет было завоевано англичанами при участии египетской армии и поставлено под совместное англоегипетское управление (кондоминиум). В результате Египет, входивший в состав Османской империи и одновременно являвшийся территорией, полностью подконтрольной Великобритании, стал участником в деле управления страной, территория которой, по сути дела, была частью Британской империи. «Кондоминиум» представлял собой очередную фикцию, «скрывающую неудобные факты». Но в данном случае более важно другое. После того, как «суданский» компонент стал составной частью структуры англоегипетских отношений, механизм управления Египтом - и до того не простой - стал еще более сложным и еще менее поддающимся наладке и модернизации. Механизм выработки политики в отношении этой страны также усложнился, что в еще большей степени способствовало превращению проблемы «статуса Египта» в центральную, каковой она и оставалась вплоть до начала Первой мировой войны.

Перед началом войны в правительственных кругах Великобритании была очень популярна точка зрения, согласно которой Египет должен был официально превратиться в британскую колонию. Мнение этих кругов наиболее отчетливо выражал в конце 1914 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Грей (1868-1933). Иную точку зрения защищал Мил Читем (1869— 1938), в то время исполнявший обязанности генерального консула в Египте. Возглавляемый им аппарат британской резиденции в Каире в целом был против прямой аннексии и высказывался за присоединение Египта к Британской империи в качестве протектората²². Мнения обеих сторон сходились лишь в одном пункте: существующее положение - «завуалированный» протекторат - больше не отвечало требованиям момента. В конце концов, вторая точка зрения возобладала. Однако англичане остались верны себе: 14 декабря 1914 г. протекторат был провозглашен в одностороннем порядке, а сам термин не получил сколько-нибудь вразумительной расшифровки со стороны британских официальных лиц. «Осторожность, - пишет лорд Ллойд (1879-1941), занимавший пост Верховного комиссара Египта в 1925-1929 гг., - снова восторжествовала. Курьезные фикции были сохранены»²³.

Во время войны вопрос продолжал оставаться дискуссионным. Весной 1917 г. вновь назначенный Верховный комиссар Египта Уингейт решительно возглавил движение за включение этой страны в состав Британской империи²⁴. В своей аннексионистской политике глава резиденции получил поддержку финансового советника Э. Сесила (1867-1918) и начальника разведывательного управления в Каире Г. Клейтона (1875-1929). В Лондоне за передачу Египта под контроль министерства колоний выступал заместитель министра иностранных дел лорд Р. Сесил (1864-1958). В то же время, ни Керзон (1858—1925), ни Милнер, входившие в состав Военного кабинета, не поддержали такое решение. В феврале 1918 г. Военный кабинет окончательно высказался против аннексии и за сохранение протектората²⁵. Казалось, теперь-то послевоенная участь Египта была полностью и бесповоротно решена. Мартовское восстание 1919 г. заставило внести коррективы в уже разработанные планы.

Удивленные неожиданным размахом и масштабами движения антибританского сопротивления, лидеры всех трех ведущих партий Великобритании - консервативной, либеральной и лейбористской - высказались за реформу англо-египетских отношений. Однако анализ политики правящих кругов Великобритании этого периода показывает, что на Даунинг-стрит тогда еще далеко не все осознали качественное отличие ситуации, сложившейся в Египте после окончания войны. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать стенограммы парламентских дебатов за 1919 г., отражающие отношение к египетскому вопросу как руководителей имперской политики, так и лидеров оппозиции.

Так, подтверждая, что «каждая нация должна иметь право на самоуправление и самоопределение»²⁶, лейбористы имели в виду лишь «ответственное правительство в рамках Британской империи»²⁷. Рассматривалась и возможность получения мандата на управление Египтом. Один из лидеров лейбористской партии Б. Спур (1878-1929) утверждал, что в таком случае Египет приобрел бы международный статус и смог бы, в случае необходимости, апеллировать к Лиге Наций в качестве подмандатной территории Великобритании²⁸.

Консерваторы также не считали зазорным манипулировать при случае термином «самоуправление», вкладывая, естественно, в это понятие свой собственный смысл. У. Ормзби-Гор (1885—1964), например, призывал к проведению в Египте политики «сотрудничества» на основе возвращения к методам, предложенным еще Китченером²⁹. Они, также, были готовы рассмотреть мандат как возможную и приемлемую форму управления этой страной. В то

же время, самым лучшим решением вопроса, как считал Э. Уинтертон (1883-1962), было бы сохранение протектората³⁰.

В целом британские парламентарии рассматривали сохранение контроля над Египтом в полном объеме в качестве «абсолютно необходимого условия нормального развития этой страны»³¹.

Тем не менее, дебаты по египетскому вопросу, развернувшиеся а британском парламенте весной 1919 г., занимают особое место в истории англо-египетских отношений. Новым и неожиданным явился прежде всего призыв к реорганизации самого механизма британского контроля за состоянием англо-египетских отношений³². Инициаторами постановки этого важного вопроса оказались представители консервативной партии. Для того, считали они, чтобы предложенная ими реформа достигла своей цели, необходимо было, прежде всего, исключить египетский вопрос из компетенции Форин офис. «Министерство иностранных дел слишком энергично занимается дипломатическими проблемами, - заявил 20 марта 1919 г. Ормзби-Гор, — и не уделяет достаточного внимания вопросам административного характера... а египетский вопрос - это, прежде всего вопрос управления»³³. В качестве выхода консерваторы предлагали альтернативу: либо образовать египетский департамент в Министерстве колоний, либо, что являлось, по их мнению, «идеальным» решением, передать Египет в ведение специально созданного ведомства (наподобие Министерства по делам Индии), несущего ответственность за политику Великобритании на Ближнем Востоке³⁴.

Таким образом, дебаты 1919 г. обозначили определенный этап в процессе выработки египетской политики Великобритании. Могло даже показаться, что правящие круги Великобритании готовы отказаться от политики «твердой руки» и выработать более либеральный подход к вопросу о статусе Египта.

Действительно, на пост Верховного комиссара был назначен Э. Алленби (1861-1936), добившийся в 1922 г. провозглашения «независимости» Египта. Тогда же в эту страну была направлена специальная миссия под руководством А. Милнера, выдвинувшего идею отказа от протектората в обмен на англо-египетское соглашение. В 1920-1936 гг. было предпринято шесть только официальных попыток соглашения между Великобританией и Египтом. Все это позволяло рассматривать межвоенный период как эпоху «англо-египетского договора», время, когда, наконец, была предпринята попытка кардинально изменить юридический статус Египта. Именно такими представлялись эти годы современникам событий. Такими же их считают и поныне. Однако

необходимо, на наш взгляд, отказаться от ставшего уже привычным стереотипа.

Как показывает анализ архивных материалов и мемуаров, 1920-е - 1930-е гг. - это время борьбы не столько «за», сколько «против» осуществления замыслов А. Милнера. время ожесточенных сражений против немногочисленных сторонников его идеи англо-египетского договора. Тема соглашения с Египтом часто становилась проблемой для обсуждения на заседаниях правительства, различных государственных и общественных структур, регулярно возникала в прессе и литературе. Однако вопрос, занимавший тех, кто определял будущее англо-египетских отношений, был более прозаичным: протекторат или колония? Время коренных перемен в области британского имперского мышления еще не пришло.

Оплотом приверженцев реформы англо-египетских отношений в этих условиях оставались Форин офис и резиденция Верховного комиссара Великобритании в Египте, (подход которых к проблеме определялся трезвой оценкой ситуации в долине Нила). Тем, что после ухода Милнера Лондон все же еще не раз пошел на переговоры, египтяне обязаны «людям на местах» и дипломатам, прежде всего - Э. Алленби, буквально вынудившего свое руководство пойти на уступки лидерам национально-освободительного движения. В то же время, как раз в интерпретации Э. Алленби «концепция договора» приобрела черты, позволившие Уайтхоллу успешно эксплуатировать ее в качестве прикрытия, за которым непрерывно разрабатывалась «альтернативная» политика восстановления и укрепления имперских позиций - политика «энергичных мер».

Возможность «энергичного» решения вопроса о будущем англо-египетских отношений в частности проблемы Судана, никогда не отвергалась. Летом 1924 года, когда все устремления Уайтхолла, были, как принято считать, направлены на скорейшее заключение двустороннего соглашения с Египтом, под покровом исключительной секретности произошло заметное сближение позиций сторонников и противников договора на базе возврата к традиционной политике «твердой руки».

Как свидетельствуют новые источники, 5 ноября 1924 г. на Даунинг-стрит 10 был подготовлен документ, содержащий в себе основные выводы Форин офис по египетскому вопросу и отражавший взгляды как лейбористов, так и консерваторов. Он включал рекомендации представителей британской администрации в центре и «на местах», в том числе и нового главы Форин офис - О. Чемберлена (1863-1937)³⁵. Этот документ явился, по сути дела, политическим завещанием администрации Р. Макдо-

нальда (1866-1937), принятым консерваторами к исполнению без долгих раздумий, едва только они вступили в права «наследства».

В окончательном варианте политика «ультимативных мер» была сформулирована Форин офис - и это нужно подчеркнуть - еще до убийства генерал-губернатора Судана и главнокомандующего Египетской армией Ли Стэка (1868-1924). Составители особо секретного циркуляра, получившего название «Англо-египетские отношения», не видели причин к тому, чтобы «откладывать первый шаг на пути осуществления хорошо продуманной политики, имеющий своей целью показать египтянам, что Правительство Его Величества не согласно пребывать в обороне неопределенное время, и готово предпринять действенные меры, дабы сохранить свои позиции»³⁶. Не хватало только повода. И вот, 19 ноября 1924 г. в Каире был смертельно ранен Ли Стэк — один из главных архитекторов политики «энергичных мер». «Случай, - писал Ф.А. Ротштейн, - был самый подходящий»³⁷. Теперь уже ничего больше не сдерживало англичан. «Новая» политика из сферы теории начала стремительно переходить в область практических действий. Результатом чего и явился ультиматум 1924 года.

Итак, ужесточение «египетской» политики осенью 1924 г. знаменовало, казалось бы, окончательный отказ от идеи Милнера об англо-египетском договоре и тем самым изменении юридического статуса Египта.

Однако за кулисами англо-египетских отношений по-прежнему шла упорная борьба между «твердолобыми», пытавшимися закрепить успех, достигнутый после 19 ноября, и сторонниками либерализации «египетской» политики, оспаривавшими право влиять на ход ее формирования. Ситуация была гротескной. Новый верховный комиссар Дж. Ллойд, (за спиной которого стояло большинство членов правительства Великобритании в том числе лорд Биркенхед (1872-1930), У. Черчилль (1874-1965), Л. Уорингтон-Эванс (1868-1931), Л. Эмери (1873-1955), У. Джойсон-Хикс (1865-1932), лорд Солсбери, Д. Хогг (1872-1950) и Н. Чемберлен (1869-1940), занимавшие ключевые посты в правительстве, Казначействе, Министерстве внутренних дел, Министерстве по делам Индии, колониальном и военном ведомствах и др.) не разделял настроений, царивших в Форин офис – ведомстве, которое возглавлял его непосредственный начальник – О. Чемберлен. В свою очередь Чемберлен, опиравшийся в основном на «дипломатов» и штат сотрудников Каирской резиденции (формально подчинявшихся Ллойд), действовал вразрез с теми принципами, которых придерживалось большинство его коллег по кабинету. В правительстве его планы либерализации «египетской»

политики находили сочувствие у немногих, хотя и весьма влиятельных министров: лорда Р. Сесила, представлявшего Соединенное Королевство в Лиге Наций; лорда Ирвина (1881-1959), министра сельского хозяйства, а затем вице-короля Индии и даже у премьер-министра С. Болдуина (1865-1947).

В этих условиях какая-либо плодотворная работа, направленная на достижение прогресса в англо-египетских отношениях, была затруднена и едва не сошла на нет. Правда, в 1927-1928 гг. Чемберлен все же сумел (в тайне от верховного комиссара, а, по сути, и от большинства членов кабинета!) организовать очередную попытку соглашения между Великобританией и Египтом. Но, как известно, она оказалась - в значительной степени благодаря усилиям Ллойда и его сторонников в правительстве - безрезультатной. Такой же безрезультатной оказалась и попытка изменения статуса Египта, предпринятая вторым лейбористским правительством Р. Макдональда в 1929-1930 гг. Скандальная отставка Дж. Ллойда, последовавшая в ходе этих переговоров, продемонстрировала не только отсутствие в британском правящем классе согласия по египетской проблеме, но и кризис всей политической системы Великобритании.

Правда, в августе 1936 г. в Лондоне был, как известно, подписан англо-египетский «Договор о дружбе и союзе». Однако и это, на наш взгляд, не свидетельствовало об осознании необходимости серьезных перемен в системе взаимоотношений двух стран. Решающий аргумент тогда выдвинули не наследники дела Милнера, как это могло бы показаться, а Бенито Муссолини (1883-1945), захвативший Эфиопию и угрожавший британским интересам в районе Средиземного моря и Среднего Востока. Со всей очевидностью это подтверждают мемуары М. Лэмпеона (1880-1964)³⁸, Верховного комиссара, а позже - посла Великобритании в Египте. С момента своего появления в Каире и вплоть до подписания договора он был уверен (равно как и глава Форин офис А. Идеи) в том, что единственно правильным решением было бы включение Египта в состав Британской империи. Метод, с помощью которого А. Идеи (1897-1977), чье имя стояло под англо-египетским соглашением 1936 г., пытался разрешить Суэцкий кризис 1956 г., подтверждает, что процесс смены умонастроения был очень медленным и мучительным.

* * *

Таким образом, вопрос о юридическом статусе Египта, вставший перед Великобританией в практической плоскости уже в начале XIX века, оставался проблемным для британских правящих

кругов до середины 30-х гг. XX в. Египет, по сути дела, оказался своеобразным звеном в системе Британской империи, которая не раз подвергалась испытаниям в отношении действительности и надежности тех или иных механизмов вмешательства и контроля. На смену политике «мирного проникновения» здесь пришел внешнеполитический курс, в основе которого лежали методы вооруженной интервенции и «временной оккупации». В рамках этого курса британские правящие круги испробовали самые различные способы управления зависимой территорией. От протектората «завуалированного» англичане перешли к протекторату объявленному (и как бы законному), а после снова сделали попытку завуалировать свои истинные намерения, провозгласив (снова в одностороннем порядке) независимость этой страны, а затем подписав двухстороннее соглашение «о дружбе и союзе».

Будучи вынужденным, англо-египетский «союз» 1936 г. не означал проникновения «духа соглашения» в область британского имперского мышления. На протяжении всего рассматриваемого периода необходимость сохранения контроля над этой территорией и, прежде всего, над зоной Суэцкого канала в полном объеме, оставалась бесспорной для правящих кругов Великобритании. Ведь в «табеле о рангах» британских колоний и зависимых территорий Египет несомненно занимал второе место после Индии. В Лондоне были убеждены, что потеря Египта и Суэцкого канала могла привести к распаду практически всей империи. В то же время, вопрос о форме осуществления такого контроля, о юридическом статусе Египта можно было, как считали некоторые влиятельные представители Уайтхолла и Сити, обсуждать в том числе и на международных конференциях. Таким образом, Уайтхолл мог сохранять свободу маневра на международной арене. Однако далеко не все представители британского правящего класса понимали необходимость смены тактики в новых условиях.

Компромиссный подход к решению проблем Ближнего и Среднего Востока в целом, и египетского вопроса в частности, отражал в первую очередь линию руководства Форин офис, вынужденного всегда учитывать соотношение сил на международной арене. Он устраивал также тех представителей британского истеблишмента, для которых указанные территории не были «своими», но которые стремились потеснить господствующую здесь, так называемую, «средневосточную» группировку. Однако такой подход, естественно, не удовлетворял руководителей и акционеров транспортных, финансовых, торговых и промышленных компаний, стремившихся к монопольному господству на просторах дряхлеющей Османской империи. Они призывали к прямому и

полному включению этого региона в состав Британской империи. И хотя разногласия между различными группировками правящего класса Великобритании, влиявшими на процесс выработки ближне- и средневосточной стратегии, не были антагонистическими, борьба вокруг вопроса о статусе долины Нила была ожесточенной. Отказ от монопольного господства над долиной Нила означал бы не только потерю огромных прибылей, но и ослабление стратегических позиций в бассейне Красного моря и Персидского залива.

Отсутствие концепции развития англо-египетских отношений и неурегулированность статуса Египта создавали дополнительные и весьма серьезные трудности для тех, кто отвечал за положение дел в этой стране. Приходилось скрывать от всего мира - и, в том числе, от самих англичан - «явную», по выражению известного британского дипломата Г. Николсона (1869-1968), «аномалию» британского присутствия в этом регионе, равно как и «священное таинство» неограниченной власти Уайтхолла³⁹. По мнению лорда Кромера, простого раскрытия «тайны» было бы «достаточно, чтобы расшатать всю систему взаимоотношений двух стран»⁴⁰. Кроме того, любой конфликт внутри Египта или связанный с этой страной также подвергал всю структуру серьезному испытанию.

Каждый шаг по преодолению той или иной кризисной ситуации давался официальному Лондону очень нелегко и предпринимался позже, чем это было необходимо. Уайтхолл старался выиграть время и оттянуть принятие решения до того момента, когда необходимость в этом либо уменьшится, либо отпадет совсем. Если конфликт не утихал сам по себе, или же после вмешательства представителей Форин офис «на местах», следовала демонстрация силы. Только затем начинались поиски политического решения, результатом которых обычно был компромисс, разрешающий сиюминутную проблему, но не исключавший возможности возникновения кризиса в ближайшем будущем. Вследствие неопределенности юридического статуса, Египет, по оценке английского исследователя К. Кросса, всегда оставался «одним из самых уязвимых мест в структуре Британской империи»⁴¹.

В то же время, не желая действовать согласно нормам, установленным международным правом, импровизируя, Лондон проявлял гибкость, умение приспосабливаться к изменяющимся условиям и, в конечном счете, обычно добивался успеха. Египетскому и мировому общественному мнению представлялись все новые и новые «фикции», маскирующие, по сути дела, колониальный характер британского присутствия в долине Нила. Определение сущности англо-египетских отношений было

затруднено. Принятие конкретных и «ясных» решений можно было отложить до более благоприятного момента. Проблема заключалась лишь в том, чтобы не упустить тот момент, после которого промедление становилось уже опасным. Однако как раз неумение совершить маневр вовремя было «ахиллесовой пятой» Уайтхолла. Это еще раз подтвердилось после окончания Второй мировой войны, особенно в годы борьбы египетского народа за денонсацию договора 1936 г. после победы Июньской революции в Египте и национализации Г.А. Насером Суэцкого канала.

¹ См. например: *Richard D.S.* The Savage Frontier: a History of the Anglo-Afghan Wars. L., 1990; *Tauber E.* The Arab Movements in World War One. L., 1993; *Crosby T.L.* The two Mr. Gladstones. L., 1997; *Hchurman Donald M.* Imperial Defence, 1868-1887. L., 2000; *The Boer War.* L., 2000; *Morewood S.* The British Defence of Egypt, 1935-1940. L., 2001; *Miller Stephen M.* Lord Methuen and the British Army. Failure and Redemption in South Africa. L., 2001; *Gershovich M.* French Military Rule in Morocco. Colonialism and its consequences. L., 2000 и др.

² См. например: Арабы в борьбе за независимость. М., 1957; Века неравной борьбы. М., 1967; *Голдобин А.М.* Египетская революция 1919 г. М., 1958; *он же.* Национально-освободительная борьба народа Египта, 1918-1936. М., 1989; История национально-освободительного движения народов Африки в Новейшее время. М., 1978; *Киселев В.И.* Путь Судана к независимости. М., 1958; *Кошелев В.С.* Египет: уроки истории. Минск, 1984; *Лазарев М.С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М., 1960; *Ланда Р. Г.* Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918-1931. М., 1977; *Луцкий В.Б.* Англия и Египет. М., 1947; *Сейранян Б.Г.* Египет в борьбе за независимость, 1945-1952. М., 1970 и др.

³ *Тарле Е.В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (к XVI – н. XIX вв.). М., 1965; *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в XIX веке. М., 1948; *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта М., 1959; *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX века. М., 1977; *Нерсесов Г.А.* Дипломатическая история Египетского кризиса, 1881-1882. М., 1989; *Трухановский В.Т.* Уинстон Черчилль. М., 1982; *он же.* Новейшая история Англии. М., 1958; *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в районе Персидского залива М., 1958; *Давидсон А.Б.* Сесил Роде и его время. М., 1984; *Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость в XVI-XVIII вв. М., 1976.

⁴ Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 74-92.

⁵ Немногочисленные исследования по данной проблематике, появившиеся в 90-х гг., не меняют картину в целом. Среди таких работ можно назвать следующие: *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за место под

- солнцем. М., 1991; *Останенко Г. С.* Британские консерваторы и деколонизация. М., 1995; *Бурьян М.С.* Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX века. Луганск, 1994; *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897-1903. М., 1998.; *Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М., 1998.
- ⁶ *Marlowe J.* Perfidious Albion. L., 1971. P. 84-85.
- ⁷ *Ibid.* P. 102.
- ⁸ *Нерсесов Г.А.* Дипломатическая история египетского кризиса, 1881-1882. С. 19.
- ⁹ *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. P. 22.
- ¹⁰ *Нерсесов Г.А.* Указ. соч. С. 6.
- ¹¹ *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958. С. 306.
- ¹² *Нерсесов Г.А.* Указ. соч. С. 25-27.
- ¹³ Там же. С. 208.
- ¹⁴ *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁵ *Chinol V.* The Egyptian Problem. L., 1921. P. 207.
- ¹⁶ *Milner A.* England in Egypt. L., 1920. P. 27.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 29.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 30.
- ¹⁹ *Darwin J.* British, Egypt and Middle East: Imperial policy in the aftermath of war, 1918-1922. L., 1981. P. 16-17.
- ²⁰ *Miiner A.* Op. cit P. 36; *Hourani A.H.* Great Britain and the Arab World. L., 1945. P. 19; *Setton-Williams M.V.* British and Arab States: A Survey of Anglo-Arab relations. 1920-1948. L., 1948. P. 3-4.
- ²¹ *Milner A.* Op. cit. P. 24-27.
- ²² *Darwin J.* Op. cit P. 61.
- ²³ *Lloyd, Lord.* Egypt since Cromer. N.Y., 1970. Vol. II. P. 240.
- ²⁴ *Берне Э.* Английский империализм в Египте. Л., 1929. С. 22.
- ²⁵ *Darwin J.* Op. cit. P. 62-65.
- ²⁶ Parliamentary Debates. House of Commons. 1900-1930. Т. 115. К. 1860.
- ²⁷ *Ibid.* К. 1872.
- ²⁸ *Ibid.* К. 1859-1860.
- ²⁹ *Ibid.* Т. 113. К. 2358, 2369.
- ³⁰ *Ibid.* К. 2369-2369.
- ³¹ *Ibid.* К. 2349.
- ³² *Ibid.* Т. 113. К. 2354-2355, 2358-2359; Т. 115. К. 1842-1844, 1877-1878.
- ³³ *Ibid.* Т. 113. К. 2354.
- ³⁴ *Ibid.* Т. 113. К. 2355.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Национальный архив Индии: 1а/. Д. 226. Confidential Prints regarding in Egypt and Sudan. 1922; Д. 228. Affairs in Egypt and Sudan. 1924. Коп. 227-228.
- ³⁶ Там же. Коп. 222.
- ³⁷ *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 353.
- ³⁸ *Lampson M.* The Kilem's Diaries. L. P. 71-72.
- ³⁹ *Nicolson H.G.* Gurson: The Last Phase, 1919-1925. L., 1934. P. 162.

⁴⁰ Ibid. P. 162-163.

⁴¹ Cross C The Fall of the British Empire, 1918-1968. L., 1969. P. 105.